

ЦЕРКОВНА СТАРОВИНА

Олександр Тарасенко

●

ЧЕРНІГІВСЬКА ДУХОВНА СЕМІНАРІЯ В СПОГАДАХ О. МАТВІЯ ПОЛОНСЬКОГО (1860 – 1946)

Духовна школа, у широкому сенсі цього поняття, досить часто ставала предметом мемуарного жанру. З XIX ст. досі опубліковано чимало спогадів (безпосередньо чи мимохідь) про різні духовні навчальні заклади дореволюційної доби, в тому числі й про Чернігівську духовну семінарію. Мемуарна література прекрасно характеризує дух епохи, підкреслює непомітні для «офіційного ока», а потім призабуті традиції та звичаї духовної субкультури, персоніфікує історію казенних закладів, одне слово – одухотворює їх. Чернігівська духовна семінарія відноситься до мало вивчених навчальних закладів, хоча її вихованцями були досить відомі державні, культурні діячі, науковці. Гадаємо, дана публікація буде цікавою для любителів мемуарного жанру і стане в пригоді дослідникам Чернігівської духовної семінарії.

Автор спогадів – священник містечка Нової Басані Матвій Полонський – за життя був людиною, відомою далеко за межами тамтешньої округи; для Нової Басані – він просто легендарна постать. Новобасанські старожили ще й сьогодні, через шістдесят років після смерті о. Матвія, розповідають про його вдачу, манеру спілкуватися з людьми, новобасанські дороги, вимощені його зусиллями, тощо. А історію про виграний ним в карти у поміщика будинок і за один день перевезений до містечка з наступним переобладнанням його в народний дім, розповідь мало не перший-ліпший новобасанець. (Невідомо, коли карти з'явилися в легенді оповідання про цей небуденний випадок, але сам факт появи в Новій Басані Народного дому завдяки о. Матвію не піддається сумніву, бо цей будинок існує й сьогодні – в ньому розміщуються заклад культури і пошта. Про карколомне перевезення поміщицького будинку згадується і в мемуарах о. Матвія, де, звісно, карти не фігурують).

Яким авторитетом користувався Матвій Полонський в містечку і за його межами, ілюструють спогади Миколи Ковалевського, відомого громадсько-політичного діяча, члена Центральної Ради і генерального секретаріату. Ось що він писав: «Буваючи у Малютиних, пізнав я багато цікавих людей з різних частин Чернігівщини. Між цими людьми найбільше враження залишив один сільський священник о. Матвій Полонський. Він був довгий час священником у великому козацькому містечку Нова Басань в Козелецькому повіті. [...] О. Матвій був натурою динамічною і не міг погодитися з примітивізмом новобасанського оточення і з низьким рівнем культурної і громадської свідомості новобасанського населення. З величезною енергією він взявся за організацію кооперативних товариств в Новій Басані. З його ініціативи і під його керівництвом постало в Новій Басані кілька кооперативів, а потім кооперативні організації побудували Народний дім, при

якому була велика читальня, бібліотека, амбулаторія і фаховий агрономічний кабінет. Новобасанці поволі перетворювалися на свідомих громадян і дуже шанували о. Матвія, цього священика-кооператора. Ця пошана була до нього тим більша, що він був не тільки енергійний і часом може різкий, але і справедливий при вирішуванні громадських справ. Він був безкорисний і хоча належав до правління всіх новобасанських кооперативів, не брав від них жодної платні. Він був непримиренним ворогом всякої реакції і народної темноти»¹.

Матвій Тимофійович Полонський народився 8 серпня 1860 р. у с. Тополевці Сосницького повіту Чернігівської губернії, де служив священиком його батько – Тимофій Олексійович, який був доброю, з лагідною вдачею людиною, але часто слабував. Мама – Анастасія Іванівна, уроджена Бордонос, – за спогадами сина, “была неграмотна, но от природы была одарена выдающимся умом, добротой и отзывчивостью”. Вона померла, коли Матвію ще не виповнилося дванадцять років. Отже, великий вплив на нього мав його рідний брат Данило Тимофійович, настоятель Новобасанської Вознесенської церкви. “Брат мой Даниил, – згадував о. Матвій, – в жизни моей сыграл главную роль в деле моего образования и, отчасти, воспитания. Разница в годах между нами была 15 лет. Много-много хлопот ему было со мной. Ведь он имел дело со своевольным, не знавшим ни в чем запрета уличным мальчишкой, но у него был врожденный педагогический такт и выработанный жизнью, которая ему не улыбалась, подход, кроме того, он меня любил и снисходил к моим озорным выходкам”.

У 1871 р. Матвій Полонський вступив до Чернігівського повітового духовного училища, після закінчення якого продовжив навчання в місцевій семінарії. Після закінчення у 1881 р. повного курсу Чернігівської духовної семінарії він відбув військову повинність (один рік) у Тираспільському полку, який розташовувався у Києві. Потім учителював у с. Мостищах Козелецького повіту, а 8 липня 1884 р. був посвячений в сан священика і призначений настоятелем Миколаївської церкви с. Надіновки Остерського повіту². Через конфлікт з місцевим поміщиком о. Матвій змушений був залишити цю парафію і у 1887 р. отримав парафію Андріївської церкви с. Сального Ніжинського повіту. Тут у нього справи склалися непогано, але, коли в листопаді 1892 р. помер настоятель Космо-Даміанівської церкви містечка Нової Басані о. Дмитрій, батько дружини Віри Дмитрівни, о. Матвій перевівся на це вакантне місце. За його власною оцінкою, даний вчинок був помилковим, бо у Віри Дмитрівни не склалися стосунки зі своєю мамою, та й о. Матвія теща не жалувала. Проте решту життя (54 роки!) він прожив у Новій Басані, залишаючись настоятелем цієї церкви і справжнім пастирем, бо завжди користувався авторитетом, пошаною й любов'ю новобасанців.

Тяжким ударом для о. Матвія стала втрата найдорожчої йому людини – дружини Віри Дмитрівни, яка померла 19 березня 1899 р. У нього залишилося троє дітей – Сергій, Валентина й Андрій. Життєве потрясіння спонукало о. Матвія замислитися над подальшою своєю долею. Під враженням передчасною смертю дружини і фізичних страждань людей, які йому доводилося спостерігати під час виконання священницького обов'язку, він вирішив вступити на медичний факультет Київського університету на правах вільного слухача, аби мати змогу надавати не лише духовну, а й кваліфіковану медичну допомогу страждаючим. Але Св. Синод не дав йому дозвіл на навчання. Зрештою мрія реалізувалася в дітях – Сергій і Валентина отримали медичну освіту, були лікарями в Чернігові.

Віддавши свою енергію на благо людям, виростивши й виховавши своїх дітей, о. Матвій у 1940 р. розпочав писати спогади. Натоді йому виповнилося вісімдесят років. Але численні факти аж до подробиць, логіка оповідання, метка й дотепна мова спогадів засвідчують, що Матвій Тимофійович до кінця своїх днів зберіг

1. Ковалевський М. При джерелах боротьби. (Спомини, враження, рефлексії). – Іллібрук, 1960. – С. 60 – 61.

2. Державний архів Чернігівської області. – Ф. 679. – Оп. 3. – Спр. 7. – Арк. 190 об. – 191.

міцний розум, чудову пам'ять і велику душу. Записи мемуарів фіксують 1946 р., що став останнім роком його життя.

Такою є загальна канва біографії о. Матвія Полонського. Особливо важливі для нього події переосмислені й переказані у його власноруч записаних спогадах, які складають два рукописні томи і які нині готуються до видання. Нижче публікується уривок з цих спогадів, де автор розповів про роки свого навчання в Чернігівській духовній семінарії. Спогади зберігалися спочатку у внуки о. Матвія – Музи Андріївни Полонської, а тепер у двоюрідної правнуки Віри Володимирівни Гонтар, котра й надала їх нам для опублікування. Також висловлюємо вдячність за допомогу в підготовці даної публікації двоюрідним правнуку і праправнукам о. Матвія – Павлу Володимировичу Марховському, Євгенії Марховській і Василю Бурову.

* * *

Семинария, до преобразования, то есть до 1871 года, тоже¹ делилась на 3 части: словесность – 2 года, философия – 2 года, учения и богословия – тоже 2 года, всего 6 лет нужно учиться в ней, чтобы иметь права. Но тоже бывали случаи сидения в том же классе по 4 года и в каждом отделении, так что оканчивали курс учения уже совершенно зрелыми людьми. С преобразованием в 1871 году семинария стала средним учебным заведением с правами классической гимназии и стала делиться на классы: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й; на прохождение курса каждого класса полагался 1 год, и еще было 2 специальных класса – богословские, по 1 году учения. Так что, оканчивая 4 класса семинарии из 2-х отделений человек около 80-ти, из них оставалось для специальных богословских классов человек самое большее 20, а остальные, взявши свидетельства об окончании 4-х классов семинарии, шли для дальнейшего образования в университет.

[...] Под усадьбу семинарии и духовного училища взята площадь в березках десятин более десяти. Расположена она была на левом возвышенном, крутоватом берегу речонки Стрыжня, правый берег которого был отлогий, и к нему прилегает большое низкое место около тоже десятин 10-ти. Это просторное место служило свалочным местом, куда зимой из города свозился навоз и всякие отбросы, а весной, когда спадала вода разлива, эта местность обрабатывалась и садилась капуста, которая из года в год давала очень хороший урожай; кочни ее зауряд были весом не менее пуда. Речонка Стрыжень впадала почти сейчас же за городом в реку Десну. Летом воды в ней было, как говорят, воробью по колени, весной во время разлива она делается просто морем: вся низменная часть правой стороны до Красного моста и за ним покрывается водой, которая и стоит в таком виде недель две, а то и больше, угрожая снести Красный мост, и часто для избежания сего на мосту во время половодья видишь кучи камня, навезенного в большом количестве. Пред мостом по течению этой речонки были установлены ледорезы числом 6, так как весной во время крыголома из озер Яловщины, так называемых ям, их было 3, по речонке этой шли во время разлива большие крыги, которые могли повредить мост.

Вот на левом высоком берегу Стрыжня и расположены были каменные здания для семинарии и духовного училища в таком порядке: по середине ближе к Стрыжню устроено большое 3-х этажное здание – фасад его с южной стороны – с правой стороны сего здания построено 2-х этажное здание старинной архитектуры с малыми окнами. В этом здании и помещалось духовное училище (бурса). В нижнем этаже отведена была квартира для смотрителя и два класса, в верхнем – комнаты для правления, карцер, а остальные комнаты отведены были под классы. С северной стороны к этому зданию прилегает довольно большой отдельный училищный двор, в конце которого помещались необходимые постройки для учащихся и учащихся, то есть, клозеты, и устроен был небольшой каменный домик о двух комнатах для помещения коростявых, так как болезнь эта была обычной для учащихся до преобразования, да и после него, всегда эти комнаты были обитаемы. В среднем 3-х этажном здании весь верхний этаж отведен был под

библиотеку, только 2 небольшие комнаты оставлены были для собраний правления.

Черниговской семинарии библиотека называлась фундаментальной и числилась одной из первых библиотек России, по качеству и количеству имеющихся книг и рукописей исторической ценности, так как библиотеки видных деятелей Украины: Борковского, Лизогубова, Милорадовича и Неплюева были помещены в ней, да ежегодно она пополнялась периодическими изданиями и вообще книгами, имеющими интерес, на что ежегодно отпускались казной солидные средства. Во втором этаже сего здания отведена большая комната для столовой учащихся, помещены были квартиры ректора семинарии и эконома. В нижнем этаже отведена была довольно большая комната, куда приходили в зимнее время дети школьного возраста из горожан для обучения грамоте и с ними занимались по очереди ученики 5 и 6 классов для практики; обучение, понятно, было бесплатное. Остальное помещение нижнего этажа использовалось по нуждам, вызываемым временем, попеременно. С левой стороны 3-х этажного здания построено длинное 2-х этажное здание, можно сказать красивой архитектуры, в котором и помещена была семинария. В нижнем этаже помещены были: квартира инспектора, швейцарская, очень большая комната, где часть ее была отведена для устройства гимнастики в зимнее время с возможными приспособлениями; эта же комната служила местом для сбора учащихся для утренней и вечерней молитв, и для проверки их пред посещением богослужений в церкви в неделю и праздники. К этому зданию с северной стороны по бокам были пристроены 2 башни; в одной из них слева внизу помещалась умывальня, а наверху – гардероб; в башне с правой стороны помещался для учащихся клозет, а наверху – клозет для учащихся. В остальных комнатах помещались спальни для учащихся. На 2-м этаже также помещался физический кабинет, комната для учителей, постоянное помещение было отведено под классы. Это здание имело связь со второго этажа со средним 3-х этажным зданием коридором, который вел в столовую, в этом коридоре сбоку его была комната длинная, узкая, темная, назначенная для провинившихся, карцер.

Обнесена эта усадьба от зданий к югу, к реке Стрыжню, высокой каменной с пролетами оградой, посредине которой была построена церковь красивой архитектуры и к бокам и краю ограды – двое ворот. Между зданиями и церковью был большой двор, на западной части его устроена была образцовая гимнастика для лета со всеми доступными по тогдашнему времени приспособлениями.

От зданий на север вся усадьба была обнесена высокой, уже дощатой оградой наверху которой были положены плашмя доски, набитые густо длинными гвоздями острием вверх для затруднений любителей ночных прогулок, номера сии цели не достигали, много было молодцов, что все это ими легко преодолевалось. В северной части усадьбы за зданиями отведено было небольшое место для хозяйственных построек, где построена была баня, конюшня и клозеты летние, пустыми ящиками которых учащиеся не только низших классов, но даже носящие почетное звание “Deus asinorum”, превращались в “Asinus Deorum”, пользовались ими как лодками в ночное время, во время разлива Стрыжня для катания по разливу. Большая часть северной усадьбы отведена была под сад, лучше сказать, парк, так как фруктовых деревьев было там мало; дорожки были прочищены самими учащимися; это место служило в летнее и весеннее время для приготовления уроков; здесь было помещено и здание для больницы. Любимым же местом для прогулок учащихся служило место вдоль каменной ограды с внешней стороны по берегу речонки Стрыжня, а для более смелых – зимой шоссе, а летом – бульвары и казенный сад почти вне города. Так было при мне, когда я учился. Лет 30 спустя, как я окончил семинарию, была произведена основательная перестройка: большим зданием, построенным среди двора 3-х этажное здание было соединено с церковью, да и здание, где помещалось духовное училище, было совершенно переделано, приспособлено было к общему фасону других зданий. Духовное же училище было переведено в здание, построенное специально для него против Елецкого монастыря.

Жизнь учащихся в духовном училище проходила так. Казенного здания для общежития не было, а нанимался большой дом у одного из черниговских обывателей. Так, примерно, за мое время для общежития было нанято три больших деревянных здания у Глебовой, где и размещены были ученики, бывшие на казенном или полуказенном содержании числом до 200 человек; были они под надзором 4-х надзирателей. Почти столько же было размещено и на частных квартирах за свой счет из более состоятельных. В общежитии утром на завтрак давался суп, после завтрака часам к 8 надзиратели в стройном порядке вели эту ораву в класс. В 2 часа занятия оканчивались, и тем же порядком это стадо приводилось в общежитие и давался обед из 2-х блюд: борщ и одна из каш – пшенная или гречневая. Потом до 8 часов вечера занимались подготовлением уроков к завтрашнему дню, вечером ужин – тот же суп, и спать. Кормили, в общем, плоховато, так как продукты были недоброкачественные, подешевле, а о смазке и говорить нечего. Но много из учащихся было таких, которые и дома таких харчей не видали, а протестующих и совсем не было. В семинарии же учащиеся были поставлены в лучшее положение. Казеннокоштные или полуказеннокоштные и стипендиаты жили в корпусе: день проводили в классах, а на ночь шли в спальню. В классах была такая обстановка: длинные дубовые с ящиками скамейки человек на 6 одна, поставлены в два ряда одна за другой; посредине рядов скамеек проход до конца, против прохода перед скамейками – возвышенность с кафедрой для преподавателя, за кафедрой к глухой стене ставились в один ряд большие шкафы. Для каждого учащегося отводились два шкафчика продольных и узких для книг вверху, а под ним два комодчика более широких, соответствующих ширине верхних 2-х продольных шкафчиков; назначение сих комодчиков было для хранения в верхнем чистого, а в споднем – грязного белья. Верхняя одежда помещалась в гардеробе.

День располагался так: в 6 часов утра по звонку вставали от сна, в 7 часов утренняя молитва, собирались в зале для гимнастики, после молитвы шли в столовую, где давалась порция хлеба и кружка полусладкого чаю, в 8 часов – начало уроков. Ежедневно уроков бывало от 4 до 5 часовых, большая перемена в 30 минут и малые по 6 минут. На большой перемене живущим в корпусе давался завтрак – суп. Занятия оканчивались в 2 часа, и сейчас же давался обед из 2-х блюд – борща и каши, по праздникам с мясом. В 6 часов вечера – чаю кружка с порцией хлеба, в 8 часов – ужин – суп, а в 9 часов – вечерняя молитва и спать. В праздники и недели давался чай с трехкопеечной булкой. Продукты были более доброкачественные, но иногда давался хлеб с треском на зубах – ямный – тогда приглашался в столовую эконо́м, давал объяснения и если они были неудовлетворительны, то часто ему вслед, в спину летели порции хлеба. На молитвах, обеде и ужине присутствие инспектора было обязательным. Среди столовой ставились еще 2 небольших столика; один, так называемый “пробный”, на котором в тарелках ставилась пища, какую едят ученики, а другой носил название “голодный”. На этом столике ставились все необходимые приборы для еды, даже соль, а хлеба и съестного ничего не давалось и провинившийся садился за этот стол, наблюдал, как его товарищи справляются с едой, и тем был сыт.

[...] Теперь, друг мой ², скажу тебе о наших преподавателях, понятно, не обо всех, их было 18 человек, а только о главных, так сказать, столпах семинарии. Прежде всего, о голове заведения – ректоре. Фамилия его Розов – протоиерей, человек крайне вспыльчивый, горяч и скорый на дело, не особенно далекий, но не злой. Преподавал основное богословие в 5 и 6 классах. Инспектор – Дмитриевский – умный, выдержанный, замечательный воспитатель, добрый человек. За его бытность инспектором не один ученик не был исключен из семинарии, всегда защищал своих питомцев, наушничества не любил, ко всем ученикам был одинаков, любимцев не имел, у него все были равны. Преподавал он философию и психологию в 4-м классе. Для характеристики этого чудного человека приведу случай, бывший со мной. Все воспитанники семинарии его любили, но за его окрики и постоянное ворчанье дразнили его Медузой.

В 5-м классе семинарии дана была нам для внеклассного сочинения тема по гомилетике такая: “Причины нерасположенности современного общества к духовенству”. Из всех товарищей, я написал как думал: виновниками сего нерасположения я считал, прежде всего, правительство, высшее духовенство, низшее духовенство и, наконец, само общество. Сии положения я по своему расположению развил и подал его преподавателю гомиетики Лебедеву, человеку молодому (год как окончил Петербургскую академию). Лебедев, прочитав мое сочинение, пришел просто в ужас и сейчас же его отнес к ректору, а сей повез его архиерею с вопросом – как быть. Архиерей посоветовал собрать правление семейно, не делая шума, обсудить это дело. И вот ректором назначен спешно день собрания правления. Инспектор, познакомившись с моим сочинением, призвал меня к себе и советовал мне пойти сейчас же к трем старейшим и влиятельным преподавателям: Вишневскому (преподавал Священное Писание во всех 6 классах и староеврейский язык в 5 и 6 классах), Дорошенко (преподавал в 1-м классе словесность, во 2-м классе историю русской литературы, в 3-м классе – логику) и Пучковскому (преподавал латинский язык в 4-м классе) и просить их защиты, иначе будет плохо. Крайне не хотелось мне идти к Вишневскому, человеку жестокому, черствому и ехидному, хотя я у него был на хорошем счету. Вишневский принял меня хорошо, пожалел о моей опрометчивости и обещал поддержать меня. Дорошенко, человек доброй души, шутник, большой комик, любимый семинаристами, ярый украинец, встретив меня, не дал мне договорить, со словами: “Эге, плохо, брат, исключат обязательно, иди, иди и не надейся на меня”. Словом, прогнал меня. К Пучковскому я не пошел, так как узнал, что он в этот день сильно заболел. Это был умнейший и добрейший человек и на него я особенно рассчитывал. О результатах своего хождения я сообщил инспектору, так как он меня просил, и он в заключение сказал, что дело мое серьезно, можно ожидать худого исхода, но не надо падать духом.

На другой день вечером на 6 часов назначено собрание правления. Не терпится мне, хочется поскорее узнать о своей участи, потому я упросил письмоводителя правления, который имел квартиру в первой комнате из двух комнат правления в 3-х этажном доме; комната его разделена была ширмой и была проходной, чтобы он пустил меня на время заседания правления в свою комнату за ширму. Спасибо, пустил, и я за время занял место за ширмой около двери 2-й комнаты заседания; двери этой комнаты заседаний были письмоводителем оставлены открытыми, и мне хорошо было слышно все. Когда собрались все 17 человек преподавателей, 18-й Пучковский по болезни не явился, ректор открыл заседание и, прежде всего, просил преподавателя гомиетики Лебедева прочесть мое сочинение. По прочтении его он сказал следующее: “Грустно, что между нашими воспитанниками появляются такие субъекты как Полонский, которые, сидя еще за скамьей, позволяют себе не только думать, но и высказывать, даже письменно, такие порочащие мысли об учреждениях, составляющих незабываемый фундамент всей нашей жизни. Таким субъектам не место в учебных заведениях. Понятно, его нужно немедленно уволить из заведения”. Преподаватель Лебедев вполне согласился с мнением ректора. Третьим говорил инспектор. Он говорил много и не меня обвинял, а комиссию, давшую такую тему. Он говорил, что таких тем для сочинений, как он выразился “скользких” молодым людям, не окрепшим еще в своем мировоззрении даже преступно давать, поскользнуться на такой теме недолго. Четвертым говорил Вишневский. Он сказал кратко: “Мнение ректора вполне разделяю. Мыслей своих он уже не изменит, и, получив аттестат об окончании семинарии, будет идти смелее по той же дороге и станет вредным человеком для существующего порядка, будет только позорить свою *alma mater* и нас, так как мы руководим его воспитанием; уволить его и только”. Пятым говорил Дорошенко. Не говоря ничего о моем сочинении, он обратился к ректору с такими словами: “О, ректор! (Они были товарищами по Киевской академии). Вспомни последний год нашего пребывания в Киевской академии – за два месяца до

окончания ее, за твой, тебе известный, проступок, почти все профессора на своем заседании настаивали на исключении тебя из академии и только ректор – епископ Агапит, да 3-4 человека из профессоров отстояли тебя, благодаря чему мы сейчас имеем во главе такого чудного ректора, как ты. Нельзя казнить человека за его юношеские воззрения – жизнь не всегда портит человека, а и перевоспитывает его к лучшему, а потому я предлагаю поручить преподавателю Лебеву поговорить основательно с Полонским, доказать ему неосновательность его суждений, а для примера другим наказать его, посадив его на 24 часа в карцер”. Остальные преподаватели, молодежь, согласились в Дорошенко и из 17 человек подали еще голос за исключение только 4 человека, благодаря чему я остался оканчивать семинарию.

Второй случай был такой. В Березках, предместье Чернигова, жило семейство Зубовых – брат и две сестры, окончившие женскую гимназию, брат закончил университет – юрист; люди в материальном отношении обеспеченные, часто устраивали вечеринки, на которые я был приглашаем как хорист. В один вечер не мог быть у них, о чем, извиняясь, я и сообщил им запиской. После вечеринки в этом доме ночью полицией был произведен обыск, и моя записка, не уничтоженная хозяином, попала в ее руки, хозяин же был арестован. Жандармский полковник известил ректора семинарии, что квартира арестованного Зубова посещалась семинаристом Полонским, и просил его произвести в присутствии его обыск в моих вещах. Семинария – закрытое заведение и ответственность за поведение учеников лежит на обязанности ректора и инспектора, и присутствие полиции, хотя бы и тайной, было излишне, но ректор, вероятно, испугался и согласился на ее присутствие, на что инспектор протестовал. Ректор и инспектор были между собой в довольно неладных отношениях. Инспектор, узнав об ожидавшемся посещении жандармского полковника, предупредил меня, чтобы я, если что есть у меня, то припрятал, но у меня прятать-то было нечего. В 7 часов вечера, когда в классе занимались подготовлением уроков к следующему дню, в наш класс вошел инспектор в сопровождении ректора и жандармского полковника и почти с криком приказал мне показать отведенные для моего пользования в общем шкафу мои ящики. Он добросовестно при всех вынимал мои немногие вещи, трусил их пред носом ректора со словами: “Смотрите, о, ректор, тут ничего нет”. В заключение накричал на меня, что я был виновником нарушения status quo, и моя ничтожность нарушила покой таких почетных лиц, как ректор и жандармский полковник.

Третий случай был такой. По рекомендации преподавателя Тарзаковского (преподавал он в 1-м классе алгебру, во 2-м геометрию, в 3-м тригонометрию, космографию и даже пасхалию, в 4-м классе физику), который ко мне был расположен, я имел у богатого еврея Талабанова хорошо оплачиваемый урок; занимался по истории русской литературы с его двумя дочками за 10 рублей в месяц. В то время оплата небывалая. Захотелось мне отдохнуть от семинарских уроков, а потому просил доктора Сикорского, доброго человека, принять меня в больницу недели на две, а чтобы не потерять хорошо оплачиваемого урока, просил своего товарища Бугаевского на время моей мнимой болезни заменить меня, он знал гораздо лучше меня сей предмет. Когда товарищ явился с моим письмом на урок, то ему объявили, что, так как меня не было два дня, то сами барышни–еврейки взяли себе другого репетитора, тоже семинариста Н. Это бывший мой товарищ, отставший от меня на год, человек богатых родителей, красивый собой, всегда хорошо одевавшийся, человек не дела, а гульни, товарищами-бедняками пренебрегал и держал себя остороно от них, его страшно все не любили. Но ему пришлось вести занятия с барышнями недолго – всего два дня, так как познания его по сему предмету были крайне ограничены, что даже и барышни оценили это, и ему отказали. Вышедши из больницы, я получил письмо от Талабанова с просьбой продолжать занятия, но я по письму не пошел. Тогда он явился лично в семинарию, извинился пред Бугаевским и все-таки просил меня взяться за дело, и я согласился. Прогнанному товарищу досадно было и он, явившись к инспектору, наговорил всяких гадостей про меня (попадались между нами такие субъекты, хотя очень редко; семья

не без урода). На другой день инспектор утром позвал меня к себе и, когда я пришел в его квартиру, то увидел и сего типа там. Инспектор вышел к нам и попросил его повторить все то, что он говорил ему вчера в моем присутствии. Понятно, он при мне ежился и не мог повторить из сказанного вчера. Тогда инспектор крикнул на него: “Вон, подлец!” А мне сказал: “Хорошо, что эта глупая фигура на догадалась пойти к ректору со своим рассказом, тогда было бы худо тебе, да и мне были бы большие неприятности”. Все таки, это неблагоприятно отозвалось на мне; до этого случая инспектор дал мне право отлучаться из корпуса до 8 часов вечера, а теперь потребовал от меня, чтобы я был в корпусе к 6 часам вечера, 2 часа я потерял. С этим господином – доносчиком лживым у меня случилась еще и такая каверза, о которой стыдно было бы и говорить: я был уже в 6 классе и мне оканчивался 21 год, значит, человеком я был почти зрелым, а между тем позволил себе мальчишескую выходку. В лицевой стороне ограды – каменной – как я раньше сказал, было 2-е ворот, с правой стороны проездные, а с левой стороны забытые, они служили только для выхода через фортку в город. Воспитанники, идущие в город и возвращаясь из него, облюбовали угол ворот как укромное местечко для облегчения себя от имеющейся внутренней воды, а с наружной стороны от этих ворот устроена была длинная лавочка – любимое место для гуляния семинаристов. Соседство этого загрязненного уголка было крайне неприятно для носов, сидящих на лавочке, а потому какой-то мудрец из семинаристов большими буквами написал “мочить здесь строго воспрещается”. И вот летом, перед вечером, когда учащих было много во дворе: то играли в разные игры, то занимались гимнастикой. Этот тип, одевшись более чем прилично, бо у него было во что, в новой шляпе, идя в город, по обычной привычке стал в это месте облегчать себя от воды. Увидев это, я потихоньку подошел сзади его и, сняв шляпу с него, подставил ее куда надо. Он так был огорошен неожиданностью, что продолжал свое дело. Масса семинаристов и инспектор из окна видели все это и потешались; инспектор же позвал меня к себе и сказал мне, что он очень осуждает мой поступок с товарищем, но есть такие нахалы, которых ни словом убеждения, ни даже просьбой от гадкого дела нельзя отучить. Думает, что мой поступок будет сему субъекту хорошим уроком, и он больше этого делать не станет. И действительно, сей тип перестал там это делать, да и другие запомнили сей случай и с ним считались. Еще один случай расскажу об этом инспекторе, о его умелом подходе к ученику с целью заставить его осудить самому свой мальчишеский поступок. Раз, в день полудки мною платы за уроки, я зашел в трактир Шубиных, позволил себе раскошелиться и просил дать 2 банки пива, 2 хлебных пирожных и пачку сигар в 12 1/2 копеек пачка за 10 штук и принялся кеифовать. Сюда же случайно зашел мой приятель, учитель городского училища Бобыр. Подсел ко мне и, сказав, что я глупостями занимаюсь, потребовал водки. Осушив несколько графинчиков по 10 копеек, я к 8 часам вечера явился в семинарию в свой класс. Товарищи сидели за скамьями и занимались подготовлением уроков к следующему дню. Дело было глубокой осенью, было грязно, галоши у меня были старые, очень свободно сидели на ногах. Я, вошедши в класс, будучи в приподнятом настроении, и желая потешить публику, дрыгнул правой ногой и галоша, подлетев под потолок, шлепнулась среди класса около кафедры; слышу поощрение – общий смех, делаю то же и другой ногой, другая галоша угодила на кафедру – слышу гомерический смех и вижу, что какая-то фигура вышла из-за скамьи и направляется ко мне. Оказывается, это был инспектор, случайно зашедший в наш класс, заговорился с товарищами. Подошедши ко мне, он меня похвалил за искусство сбрасывания галош и стал честно уверять, что он в своей жизни никогда ничего подобного не видел и просил меня повторить, а когда я отказывался, то он настойчиво приказал мне повторить. И я, к стыду своему, вынужден был еще раз проделать, и больше в жизни своей ничего подобного не делал. Наглядный пример умелого подхода к изгнанию дурацких выходок учащихся. Привел я все сии случаи, бывшие со мной, чтобы оттенить и показать деятельность чудного человека, воспитателя среди окружающих его сотоварищей по делу, у которых было стремление не исправлять проступки подчиненных, а только казнить, и казнить пожестче.

Итак, 16-летним парнем я стал воспитанником среднего учебного заведения с твердым намерением взяться хорошенько за дело науки, чтобы за 4 года окончить семинарию и в дальнейшем поступить в Киевский университет, непременно на медицинский факультет. Думалось, что сей факультет дает больше возможностей быть полезным окружающим обывателям в их физических страданиях, и если помощь существенная и не будет оказана по незнанию, то все-таки будет искренне-сердечное участие к положению больного, что, казалось, послужит если не излечением, то хоть некоторым успокоением болящего.

[...] До окончания 4-х классов семинарии я был пай-парнишкой, знал только дело своего учения, которые и здесь мне давалось легко, и я во 2-й класс перешел 2-м учеником и был принят на казенное содержание. Правда, и мне свойственны были шалость и озорничество юности, но все же в дозволяемых и терпимых границах. Их было немало, но о них я не стану говорить. А вот в октябре месяце со мной случилась неприятность. Инспектор Стародубского духовного училища по своим делам приехал в Чернигов и, как бывший воспитанник семинарии, пришел в духовную семинарию проведать своих товарищей из преподавателей семинарии во время занятий. Человек сей был старых заветов бурсы, он совсем не считался с преобразованием духовного училища и вел свою линию, к своим питомцам он относился по-зверски, много учеников Стародубского духовного училища через него пострадало и было исключено из училища. Один из моих товарищей – стародубец – в отместку за исключение из училища своего старшего брата по вине сего господина бросил из нашего 2-го класса поленом ему в спину и, вероятно, очень метко, так что он упал, схватившись, он побежал в учительскую и там сообщил, что с ним случилось. Сейчас же в наш класс явился ректор и стал допрашивать кто. Понятно, хотя все знали, никто не хотел выдать товарища, так как хорошо знали, что за сей проступок товарищу грозит моментальное исключение из семинарии. Ректор сгоряча объявил мудрое решение: три лучших ученика изгоняются из семинарского корпуса и лишаются казенного содержания и такими оказались: первый ученик – Бутырский, второй – Полонский, третий – Давидовский. Казенную одежду мы обязаны после уроков сейчас же сдать, а сами, хотя бы в чем мать родила, оставить казенное помещение и идти куда угодно на квартиру, но права посещать уроки мы лишены не были. Инспектор Дмитриевский призвал нас к себе и советовал не падать духом и стараться не потерять своих мест по списку учения, обещая, что если мы перейдем в 3-й класс с сохранением своих мест по списку, то он уверял нас честно, что мы опять будем приняты на казенное содержание. Дал нам право ежедневно одному по очереди оставаться дома, не посещать уроков, для хозяйственных нужд. По его ходатайству его знакомый Радченко, живший недалеко от семинарии в Березках, нанял нам простую хату, в которой сохранилась печь и окна для нашего житья за 2 рубля в месяц (тут же был построен им и новый хороший домик, в котором он жил со своей семьей). Товарищи, а их у нас тогда было до 84-х, нас, как невинно пострадавших, поддержали: кто дал рубаху, кто – кальсоны или латанные штанишки, словом, у кого что было лишнее, тот тем и поделился. Вот только насчет пальто явилось затруднение, так как у каждого было только одно, а потому товарищи сложились деньгами и на нас трех пошили одно пальто. Смерили его на среднего ростом Давидовского, а потому оно было на меня, как высшего ростом, в рукавах коротко, а в спине узко, а Бутырскому, малому ростом, в рукавах длинно, а в спине мешковато, но в общем вышло довольно приличным пальтом и мы были удовлетворены. Хлеб, картофель, буяки и дрова доставлялись товарищами из запасов семинарских, понятно, нелегальным путем. Инспектор дал нам на первое обзаведение 10 рублей, и мы зажили свободной, почти безнадзорной жизнью, многие даже завидовали нам. Ректор положительно не интересовался нашей судьбой, ему, вероятно, стыдно было за свой поспешный, несправедливый поступок.

Вот с этого года и началось мое знакомство с посторонними уроками. В хорошие дома не было в чем явиться, потому пришлось шляться по еврейским хедерам и брать еврейчиков для обучения русскому языку и письму по 1 рублю в месяц с

каждого еврейчика. Ходили мы по сим школам тоже втроем, по очереди и у нас было учеников до 15 человек – в переводе на деньги 15 рублей заработка в месяц, сумма по тогдашним временам колоссальная, которая давала нам возможность понемногу приодевать себя. Главным образом, деньги расходовались на обувь, она нас особенно уничтожала. Все-таки, как ни трудно было, а пережили год весело и не голодали, а главное – сохранили по списку свои места, перешли в 3-й класс и были приняты на казенный счет, только я поменялся с Давидовским – он занял 2-е место, а я – 3-е. Снова настала для нас жизнь беззаботная, думы о пропитании и об одежде отошли прочь. Наконец настал и давно желанный последний год учения в семинарии; мы перешли в 4-й класс в том же порядке. Думы о поступлении в университет крепи, только и разговоров у нас было об этом, этим только мы и жили и с нетерпением ожидали конца сего учебного года.

Мечты, мечты – где ваша сладость! Как громовой удар среди ясного, безоблачного неба поразило нас распоряжение министра народного просвещения Димитрия Толстого, сделанное им в 1879 году, в апреле месяце, значит до нашего окончания 4-х классов семинарии за 2 месяца, что окончившим 4 класса духовной семинарии запрещается поступать в университет по экзамену при университете, а нужно желающим поступить в университет держать экзамен на аттестат зрелости при гимназиях. Гимназическим начальствам будто бы дано было распоряжение, по возможности, семинаристов не пропускать. Такое распоряжение дано было в виду того, что в России была масса приходов без священников, так как масса семинаристов, окончивши 4 класса семинарии шли в университет, а самая незначительная их часть оставалась для 5-6 классов богословских. Так в Черниговской семинарии в 1878 году в 4-м классе было учащихся в 2-х отделениях 86 человек, а для 5 класса осталось только 14; 72 человека ушли в университет. После же сего распоряжения, в 1879 году учащихся в 2-х отделениях (штатском и параллельном) было 80 человек, из них только 28 человек взяли свидетельства об окончании 4-х классов семинарии и поступили не в университет, а в военную службу и через 2 месяца носили уже офицерские эполеты, а для 5-го класса осталось 52 человека – цифра небывалая. Толстой достиг своей цели – распоряжение его принесло ему желанные плоды. В Черниговской губернии в то время из 1500 приходов было свободных 150. Правда, 4 высших учебных заведения было открыто для семинаристов. Это университеты Томский и Дерптский и лицеи - Нежинский и Ярославский. Для этих заведений аттестат не требовался, а держался экзамен на месте.

Нет слов, которыми можно бы выразить то возмущение, растерянность и злобу воспитанников семинарии, вызванные сим распоряжением министра народного просвещения. На общей сходке семинаристов решено было единогласно списаться с семинариями других городов и сообщая в одно время просить министерство об изменении сего постановления как жестоко несправедливого (детские мысли). На призыв Черниговской семинарии особенно горячо отозвались семинарии: Полтавская, Харьковская, Воронежская, Курская, Тульская, а, в особенности, Вятская. День для подачи таких ходатайств был назначен 15 июля. Нужно полагать, что от всех семинарий такие ходатайства поданы в этот день в министерство. Черниговской семинарией было подано тоже ходатайство в назначенное время, результатом чего, спустя через неделю после подачи сего ходатайства, был произведен повальный обыск у учеников 4-го класса и у некоторых из низших классов, а также усиление особенной слежки за учениками. Более горячие головы все-таки решили после экзамена брать свидетельства об окончании 4-х классов семинарии и идти если не в университет, то в военную службу. К числу сих присоединился и я. Но мне оканчивался 19-й год и я считался несовершеннолетним (21 год давал право совершеннолетия), и по закону правление семинарии не имело права без согласия опекуна выдать мне такое свидетельство (прогонять ученика из заведения оно себя не лишало права). А потому я должен был сему правлению представить письменное согласие своего опекуна. Моим опекуном был брат

Даниил. Вот я ему и написал письмо, в котором просил его немедленно выслать свое согласие, вполне надеясь на исполнение моей просьбы, так как он о моих планах по окончании 4-х классов семинарии идти дальше в университет знал и вполне их поддерживал, и обещал материально меня поддерживать во все время пребывания моего в университете. Ответ от него я получил скорый, но сверх ожидания отрицательный. Он писал, что он не враг военщины, но по своим летам я еще успею ее отвеждать, и с этим делом можно и должно обождать, это не университет, где терять время неразумно; с военщиной можно еще и потерпеть, а потому он решительно отказывается на это дело дать мне свое согласие и советует мне оставаться и оканчивать полный курс семинарии.

Я ужасно был огорчен его отказом и страшно завидовал своим товарищам, которые были старше меня лет на 4-5 и которые, благодаря сему, имели право распоряжаться собой по своей воле. Не желая от них отстать, я сейчас же пошел в воинское присутствие и записался, что желаю отбывать воинскую повинность не по жребию, а вольноопределяющимся в том расчете, что через два года я с ними встречу в полку. В двух отделениях 4-го класса было нас 80 человек, из них 28 человек взяли свидетельства за 4 класса и поступили в военную службу, а осталось для 5-го богословского класса 52 человека, цифра по количеству небывалая за все время существования семинарии. Итак, все лелеянные планы жизни разбиты, а потому разбилось и желание заниматься преподаваемыми науками – не для чего было. По переводному списку в 5-й класс я оказался почти сзади всех. Давидовский – 2-й ученик, Бутырский же 1-й ученик пока считался в первом разряде, но 9-м последним, а не первым.

Итак, в 5-м классе нас оказалось 52 ученика; из них 40 человек и не думали быть в нем, а остались *volens-nolens* – по необходимости, вследствие министерского распоряжения, а потому к преподаваемым наукам в 5-м классе относились более чем хладнокровно: учились не для знания, а для отметки – удовлетворительного балла. О товарищах своих должен сказать, что все ребята были на подбор с идеалистическим направлением, с искренним желанием посвятить свои силы для служения другим, даже в ущерб своим личным интересам. Многие из них были с блестящими способностями и с великой силой энергии.

С наступлением в 1879 году учебного года, то есть в сентябре месяце, сейчас же в нашем классе образовался кружок, который затеял издавать, понятно, нелегально журнал “Друг семинара”. Программа его такова: первое – вместо передовых статей помещать переводы заданные или которые могут быть заданы на урок из латинского, греческого и французского языков для руководства и облегчения учеников низших классов (русачки). Среди многих товарищей было немало субъектов, хорошо знавших эти языки и желавших поделиться и помочь ученикам низших классов, свободного времени у них было много, так как своими уроками они мало интересовались. Второе – помещались ответы на вопросы, предлагаемые учениками низших классов. Третье – помещались рассказы в юмористическом духе про учителей и вообще про семинаристов, где-нибудь и чем-нибудь отличившихся в отрицательном смысле, понятно, не называя имен, но охарактеризованных так ясно, что каждый мог догадаться о ком идет речь. Были между нами и мнящие себя поэтами даже, которые помещали свои стихоплетения на злобу дня. Вообще, борзописцев оказывалось много, хоть отбавляй, но все же дело это было не вредно. Оно будило ум и изошряло остроумие, потешало и развлекало ученическую публику, а главное помогало ученикам низших классов не терять много времени над переводом заданных уроков с иностранных языков.

[...] И в данном случае инспектор оказался человеком в лучшем смысле сего слова. Он в ненастный вечер, в конце июня месяца, когда почти все воспитанники были в сборе и занимались подготовкой уроков к следующему дню, явился к нам в класс с этим номером журнала. Прочитавши нам эту песню, он сказал, что шутки, насмешки, остроты над преподавателями, положим, недопустимы, но в случае открытия виновника их кара для него самое большее – карцер, а помещенная здесь

революционная песня повела бы к самому строгому расследованию – и не одному бы человеку пришлось бы самое меньшее распрощаться с семинарией, а то, быть может, отведать места не столь, а то и столь отдаленные в Сибири. А потому он просит нас как друг, чтобы ему дали сейчас же слово, что дело это будет нами прекращено, так как в случае открытия сего дела кем-нибудь другим будет много неприятностей и ему как инспектору и многим причастным сему делу, а главное, он будет лишен возможности что-нибудь сделать в защиту виновников. Понятно, слово ему было дано и наш журнал, просуществовавший 79 – 80 учебный год, навсегда прекратил свое существование.

О себе скажу, что и я, как многие из моих товарищей, делом своим не занимался и не старался попасть в 1-й разряд по списку учащихся; уроков не учил, а старался только тем или другим путем иметь удовлетворительный бал, хотя мои письменные работы были очень хороши и меньше 4-х оценки не имели. На уроках в классе я сидел на последней скамейке, что давало мне возможность не слушать уроков, а заниматься посторонним делом. Раз я чуть не попался со своим соседом по месту – Бугаевским. Он слепил искусно шахматы из мякиша хлеба, засушил их и они имели очень красивый вид и были очень крепки. У меня было старое ватяное пальто и у нас было такое условие игры: кто выиграет партию, тот имеет право сидеть на пальто – удобнее и мягче. Он лучше меня играл и потому почти всегда выигрывал и потому всегда сидел на моем пальто, а я – собственник пальто – мозоли насиживал, досадно было. И вот один раз мы начали партию на уроке нравственного богословия (преподавал его Васютинский, человек добрый, не имевший привычки сходить с кафедры и ходить по классной комнате), но за этот урок мы этой партии не окончили. Следующий урок был ректора – основное богословие. Дела мои по игре были, на сей раз, блестящи, я должен был выиграть партию, а потому я потребовал игру продолжить и на следующем уроке. Игра продолжалась и на уроке ректора, который тоже не имел привычки выходить из-за кафедры и ходить по классу, но он был быстр и проворен. Бугаевский был страшно близорук и, желая и на этот раз быть победителем и не потерять права пользоваться пальто, увлекся и положительно наклонился головой к скамейке. Окрик ректора: “Бугаевский, на уроке не спать!” заставил его моментально встать. Мгновенно пальто, бывшее под Бугаевским, мною натянуто было на шахматную доску, лежавшую между нами на сиденье скамьи; встал и я, чтобы лучше собой закрыть место, где лежала доска, и сказал ректору, что у Бугаевского с утра болит страшно голова и я ему утром еще советовал не в класс идти, а в больницу, но он мне сказал, что его крайне интересует урок ректора и он, прослушав его, тогда пойдет в больницу. Случайный ответ мой спас нас обоих от большой беды. Мой ответ так расположил ректора, что он приказал мне сейчас же, немедленно отвести его в больницу. При сдержанном, тайном хохоте товарищей, я, обняв Бугаевского, а он, склонив свою голову мне на плечо, вышли из класса, сопровождаемые сочувствующим взглядом ректора. В больнице я остался для ухода за ним – так сказано было ректору. Но зато, когда мы вечером возвратились в класс, товарищи встретили нас долго продолжавшимся гомерическим хохотом.

С этого года учебного началось и мое более близкое знакомство и с чарочкой, благо представлялась такая возможность, так как я порядочно подрабатывал частными уроками. Еврейчиков я своих не оставлял, а их у меня было 10 человек, значит 10 рублей в месяц. Приаккуратил я себя несколько и с одеждой – купил шляпу с широкими полями и даже накидку, что дало мне возможность сунуть свой нос и в приличные дома; так весной я имел уже урок у капитана Антоновича за 5 рублей в месяц. Детей у сего капитана было много: 2 дочери 18 и 16 лет, сын - гимназист 3-го класса, елоп ужаснейший, это мой пациент, и еще штук пять детей меньшего возраста. Как дешевого и, по их мнению, хорошего репетитора, меня ценили и принимали хорошо; я платил им тем же и просьбы главы сего семейства, не входящие в мою обязанность как репетитора, старался исполнять. Звали сего капитана Константин, день его именин был 21 мая, который в тот год выпадал в субботу и капитан просил меня в этот день непременно придти к нему к 6 часам вечера, чтобы

с его детьми и детьми его знакомых, которые к этому времени соберутся к нему, я устроил какие-нибудь игры вроде живых картин и т.п. Отказать я ему не смог, хотя знал, что в это время в 6 часов вечера должен я быть на всенощной в церкви. Всенощная пред неделями и праздниками у нас всегда служилась и присутствие на ней для воспитанников обязательно и самые только уважительные причины – болезнь – освобождали от нее. Дал слово – нужно его исполнить; и вот решено было мной как-нибудь утечь. За полчаса до всенощной воспитанники всех классов должны собраться в гимнастическом зале. Здесь 4-м классом делалась переключка, а последним – 5 и 6 как более сознательным доверялось и их не проверяли. На это время все выходы из здания, кроме парадного, запирались и утечь можно было только в окно, которое, хотя это было и в нижнем этаже, было все-таки высоко от земли, но это остановить меня не могло и я, когда представилось удобное время, бросился к окну, прыгнул и почти попал на шею надзирателю, он же преподаватель, ходившему под окнами для контроля. Сам я упал и его сбил с ног; моментально схватившись, я побежал в сад, а он погнался за мной. Зная укромное местечко, где любителями таких экстраординарных путешествий предусмотрительно остря большими гвоздями на заборе для удобства и безопасности перелета были пригнуты на протяжении больше аршина, направился к этому месту и в один момент я очутился вне преследования. Но в каком виде?! Предусмотрительное начальство, узнав об этом прорыве заграждения в заборе, распорядилось пред каждым служением это место не железом заграждать, а более мягким, но в сто раз худшим и надежнейшим средством. На место пригнутых гвоздей приказано было накладывать очень жирно человеческие испражнения в свежем виде, что ставило человека, одолевшего сие заграждение, в такое положение, что он не мог сейчас себя использовать для своих целей, ради которых он многим рисковал. В таком положении очутился и я. Омывшись в речонке Стрижне и кое-как приаккуративши себя, я должен был непременно идти в церковь, так как знал, что после служения будет переключка для отыскания виновника, сбившего с ног надзирателя. Но как попасть в церковь? Обычным ходом нельзя – это значит прямо отдаться в руки, а потому решил попробовать пройти через пономарню. На мое счастье мне это удалось легко. На легкий мой стук в окно мой товарищ, исполнявший обязанности пономаря, тихонько открыл маленькую дверь, и я незаметно вошел в пономарню и просил товарища сейчас заболеть. Он подошел к ректору и сказал ему, что еще с полдня он стал чувствовать себя нехорошо и на всякий случай пригласил Полонского, чтобы заменить его; сейчас он себя чувствует очень плохо и просит отпустить его в больницу, а Полонский его заменит. Ректор отпустил его, а я, надев стихарь, прислуживал во время богослужения. После богослужения действительно была проверка, когда посторонние вышли из церкви, в присутствии ректора, инспектора и 2-х надзирателей, но по переключке все были налицо, и виновник не был найден, ему грозило обязательное исключение из семинарии. Когда по списку названа была моя фамилия, и я проходил мимо этой комиссии, пострадавший надзиратель долго и испытующе смотрел на меня, но я был налицо и он не смел утверждать, что я виновник его падения, но до самого окончания мной семинарии он как преподаватель всегда относился ко мне враждебно. Когда свидетельство об окончании семинарии было мной взято, я был у него, рассказал все по правде и извинился перед ним. Он много хохотал и сказал, что тогда он ушиб себе сильно плечо.

[...] Но вот время экзаменов для перехода в 6-й класс. Тройка бывших год назад лучших учеников на экзаменах положительно оскандалилась: 1-й ученик Бутырский и 2-й ученик Давидовский срезались, и были оставлены на повторительный курс в этом же 5-м классе, а я был по предметам и устным переведен в 6-й класс и не погано – 26-м учеником из 52, только во 2-м разряде, но мне дана была переэкзаменовка по сочинению, и вот почему. За год мне по сочинениям выставлен был балл 4. Экзаменационной комиссией дана была тема из догматического богословия. Сочинение должно было быть написано с 9 часов утра до 2-х часов по полудни. Преподаватель сего предмета – догматического богословия – человек новый,

молодой; он только за месяц до экзаменов был прислан в нашу семинарию, с воспитанниками еще не успел хорошо ознакомиться и часто в оценке их знаний ошибался. У меня был товарищ Поляков, по алфавитному списку он сейчас же следовал за мной. Славный паренек, но туповат; обладал сказочной памятью, но сочинения ему не удавались, в году ему писались и исправлялись сочинения товарищами и он годовой балл имел 4. По предметам же устным его знания оценивались не ниже пяти, благодаря его памяти и усердным занятиям; он был по списку в 1-м разряде и мечтал о посылке его в духовную академию на казенный счет. В 9 часов мы сели за сочинение. С этим делом я справился легко, и к 12 часам оно было у меня готово в черновике, и я готовился переписывать его набело. Тут же я получил записку, в которой он очень просил отдать ему мою черновку. Я отдал, а сам сейчас же начал писать начисто с возможными несущественными изменениями. В 2 часа дежурный собрал сочинения товарищей, сложил их по алфавитному порядку и отдал преподавателю. Результат вышел такой: вероятно преподаватель в один вечер просмотрел мое сочинение и Полякова. Мое сочинение было оценено баллом 4, а Полякова - баллом 5, но потом моя 4 была окружена нулем и в конце моего сочинения было написано “смотри Полякова”. Преподаватель не мог допустить, чтобы перворазрядник Поляков списал у второразрядника Полонского, а скорее противоположное, и потому мою 4 он окружил нулем. Вследствие чего расчет был сделан такой: мой годовой балл $4 + 0$ экзаменационный равняется 4 разделенным на $2 = 2$, балл неудовлетворительный, требующий переэкзаменовки. Вот почему и она мне назначена на осень. Товарищи страшно этим возмущались, но я просил их не делать шума, так как эта переэкзаменовка не имела для меня решительно никакого значения, и я действительно осенью ее выдержал блестяще и был окончательно причислен к лику учеников 6-го класса.

Итак, в 1880/81 учебном году я был воспитанником последнего, 6-го выпускного класса. Для всех нас этот год был самым тяжелым в смысле нравственных переживаний. Ведь каждому из нас нужно было заняться окончательно самоопределением. Куда идти и как устроить свою в дальнейшем жизнь? Вместо занятий уроками целые вечера проходили в рассуждениях и в горячих спорах, в страстных отстаиваниях до потери сознания своих излюбленных мечтаний о будущей деятельности, наступающей за окончанием семинарии в общественной жизни. Сочинения Хомякова, братьев Аксаковых переходили из рук в руки. А тут народилось братство Неплюева, жизнь которого так красочно была описана, что многих сводила с ума. То и дело слышались излюбленные выкрики окончаний “фил”, а иногда сопутствовали ему и “фоб”. А тут еще явилась на сцену жизни и украинская труппа во главе с Кропивницким; фамилии Садовского, Тобилевича, Саксаганского не сходили с уст украинофилов. Что же касается лично меня, то окончания “фил” и “фоб” мало меня трогали. По-моему, думалось мне тогда, так нужно быть прежде всего человеком в лучшем смысле сего слова, и “фил” и “фоб” вносят в дело только разделение и вражду, тормозящие всякое доброе начинание, и мне ужасно понравилась прибавка, приставляемая не сзади, и спереди слова: “интер”, например, интернационалист. В беседах с товарищами выступал и я со своим “интер”, и многие из товарищей поддерживали меня. Но меня просто тянуло в народ, хотелось честно отдать ему свои силы и кое-какие познания на его пользу без всякого расчета; считая для себя нравственное удовлетворение в исполнение своего долга как человека, конечною целью своего существования.

[...] Зима 1880 – 1881 г. была обильна снегом, который как-то дружно растаял. Речонка Сtryжень небывало наполнилась водой и из озер, 3-х “ям” Яловщины пошел в свое время большими пластами лед. Для семинаристов было большим удовольствием льдины, пристающие к берегу семинарской усадьбы, шестью отталкивать на середину речонки. Этим делом занялся и я со своим товарищем Гусаковским, который считался на всю семинарию первым силачом; я занимал второе место, но в данном случае мне почему-то удавалось ловчее это делать, чем Гусаковскому, что вызывало у зрителей большое одобрение по моему адресу. Но

вот приближалась льдина к берегу довольно большой величины. Очередь для удара в нее была моя, и я, стоя наготове с шестом в руках, все свое внимание, не желая утерять свое первенство в сем деле, сосредоточил на ней, выбирая центральное место для удара. В то время, как я хотел нанести удар сей льдине, Гусаковский, шутя, толкнул меня, и я, чтобы не упасть, прыгнул на льдину. От неожиданности я выпустил шест из рук и очутился на льдине без всяких средств выскочить на берег. Гусаковский, видя мое беспомощное положение, при помощи своего шеста прыгнул ко мне на льдину, чтобы общими усилиями пригнать льдину к берегу, и когда мы с ним начали это делать, шест не выдержал напора льдины, сломался, и мы остались на льдине совсем безоружные и предоставили себя течению воды. Крыга же отошла от берега почти на 4 сажня; место же было глубокое. Во время крыголама на Красном мосту, который отстоял от семинарской усадьбы на пол версты, всегда собиралась праздная публика для наблюдения за крыголомом. Это было под вечер, и Красный мост был усеян этой публикой. Льдина, немного погрузившись, шла медленно ближе к левому ледорезу и попала на 1-й левый ледорез, и так как была толстой и крепкой, на время остановилась, благодаря чему мелкие льдины, следовавшие за ней, чрез эту остановку, сделали затор, по которому мы кое-как, немного замочившись, на четвереньках добрались до берега под “ахи” и “охи” мостовой публики. Понятно, о нашем путешествии на льдине известно и наше начальство. На другой день ректором было собрано экстренное собрание правления для обсуждения нашего проступка и решения заслуживает ли он награды за удаливость или наказания за экстраординарное развлечение черниговской публики. Решено было большинством голосов Гусаковского (24-х лет) и Полонского (21 год) посадить для примера остальным в карцер на 12 часов каждого отдельно, но 2 голоса было подано за исключение из семинарии (ректор и Вишневский) как людей несоответствующих своему будущему назначению.

Но вот наступил месяц июнь – самое тяжелое время, время выпускных экзаменов, которые будут продолжаться до половины июля. Сделав себе мысленно проверку своих знаний по предметам, с которыми придется иметь дело на экзаменах, нашел, что багаж мой более чем слаб, но все же духом не пал, а понадеялся на “авось”, который меня всегда в критическую минуту не оставлял, храбро и нетерпеливо ожидал сего времени. И действительно, экзамены для меня сверх ожидания прошли более чем хорошо: я по списку окончил семинарию 26-м из 52-х человек, хотя во 2-м разряде. После экзаменов была вскладчину устроена традиционная товарищеская “каша”. За Десной, где ели мало, а пили много, пели, говорили зажигательные речи, клялись с биением себя в грудь и даже со слезой быть верным своим, теперь так красно высказываемым убеждениям – отдать все свои силы, честно служить обездоленному народу, на каком бы не пришлось поприще подвизаться. А тут же лукавая жизнь, саркастически улыбаясь, с распростертыми объятьями нетерпеливо ждала принять эту честную, бескорыстную юность в свои объятья и своими цепкими железными руками так сдавить, чтобы все благие намерения и клятвенные заверения обратить в прах. О юность, юность! Как ты честна, чиста, предприимчива, энергична!... Но вместе с тем как ты неустойчива, податлива, мягка, непредусмотрительна!... Жизнь, приняв тебя в свои железные лапы, вылепит из тебя такую фигуру, с которой не захочется иметь ничего общего. [...].

Джерела та література:

1. Розповіді про семінарію передувала розповідь про духовне училище і реформам, яких вона зазнала на початку 1870-х рр.
2. Звернення в тексті спогадів, як і самі спогади адресовані сину Сергію Матвійовичу.

